

**«И меж Государств учинить мир и покой»:
русские представления о Европе при первых Романовых**

Безопасность; тишина; космография; Россия; Священная Римская империя.

Статья посвящена представлениям о Европе в России при первых Романовых. Необходимость признания легитимности новой правящей династии была связана с поиском равновеликого партнера в Европе. Опираясь на целый ряд мировоззренческих стереотипов, русские политики видели в качестве такого партнера Священную Римскую империю.

Семнадцатое столетие стало для становления внешнеполитических связей в Европе во многом поворотным этапом, который характеризуется становлением качественно нового уровня международных связей. «Традиционные связи не исчезли, но они стали частью более обширного целого. Перестройка этой системы отношений связана с процессом активного вовлечения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейское развитие» [7, с. 4]. Важнейшим потенциальным партнером западноевропейским политикам в XVII в. начинает видеться Россия, попытки установить контакты с которой начали предприниматься еще с конца XV в.²

Для русской внешней политики переломным этапом стало воцарение новой династии Романовых, перед которыми одной из главных внешнеполитических задач было признание их власти в Европе. Проблема внешнеполитического утверждения новой правящей династии в раннее новое время была тесно связана с созданием системы безопасности вокруг собственной державы. Мир и социальный покой внутри страны достигался отказом от военных действий. Термин «безопасность» (и его русские производные раннего нового времени «безопаство», «безопасно») является, согласно современным данным, одним из ключевых понятий международных отношений раннего Нового времени³. В XVII в. в русских источниках можно обнаружить и сам термин «безопасность». В данном случае речь идет изначально о переводной литературе – новостных сводках, бывших основой для

¹ Лазарева Арина Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., unimoskau@yandex.ru.

² Подробнее см.: [9].

³ Подробнее см.: [10].

«Вестей-Курантов»⁴. Однако в русском языке этот термин имеет очень давние корни и семантически близок к «тишине», «покою» – излюбленным категориям русских книжников. Именно необходимость «тишины и покоя» стала одной из основополагающих категорий внешнеполитической доктрины первых Романовых. Для достижения «тишины» было необходимо составить свою иерархию европейских государств, чтобы найти среди них «достойных» партнеров, с помощью которых можно было бы, с одной стороны, противостоять польским амбициям⁵, а с другой – утвердить идею о мощи и влиянии Русского государства.

Этой цели служили в первую очередь знаменитые космографии – историко-географические трактаты «обо всем свете». Все известные в России космографии были переводами трудов крупнейших западноевропейских космографов раннего нового времени, в первую очередь Г. Меркатора и А. Ортелиуса⁵. Как замечает А.В. Барандеев, само слово «космография» подразумевало очень широкий круг сведений, среди которых были не только данные по географии, этнографии, истории различных стран, но также информация по астрономии, метеорологии, геологии [1, с. 103]. В данном контексте русские «переводы» космографий представляют собой уникальные сочинения, в которые переводчики – служащие Посольского приказа – нередко добавляли как тексты других аналогичных сочинений, так и собственные представления об окружающем мире⁶. Несмотря на достаточно пристальное внимание ученых к теме космографий за скобками пока остается вопрос о формировании с помощью этого богатого информацией материала основных линий русского внешнеполитического курса при первых Романовых. Однако увеличение числа космографий как раз в середине – второй половине XVII в. свидетельствует о востребованности подобной литературы именно с точки зрения активного вхождения России в западноевропейскую политику.

⁴ В данном случае можно несколько уточнить хронологию Ф.П. Сергеева, считающего, что категория безопасности появляется в русском внешнеполитическом дискурсе лишь в 1660-е гг. [См.: 4, с. 57]. Основываясь даже лишь на данных «Вестей-Курантов» становится очевидным, что представления о безопасности приходят в Россию сразу после Вестфальского мирного договора 1648 г.

⁵ В историографии давно подмечено, что именно отношения с Речью Посполитой определяли весь внешнеполитический курс Московского государства в XVII в. [Подробнее см.: 6].

⁶ Общие тенденции и характерные особенности русских переводов космографий прослежены в работах А.В. Барандеева, С.М. Глускиной, О.А. Белобровой.

Сегодня в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранилось около 20 космографий, дошедших до нас от XVII в.⁷ Вторая половина столетия представлена увеличением подобных сочинений, их активным включением в различные литературно-духовные сборники, а также азбуковники⁸. От предыдущих периодов сохранившихся космографий значительно меньше. Сохранившиеся в НИОР РГБ космографии XVII в. представлены в двух основных вариантах – это отдельные издания рукописей, такие как, например, огромная космография из собрания Е.Е. Егорова – «перевод» Меркатора, или же краткие космографии, скорее даже выжимки из них, писавшиеся как составная часть сборников, в которых, как правило, шло лишь перечисление стран, с весьма короткой общей характеристикой⁹.

Стремясь понять расстановку сил в Европе, царский двор живо интересовался историей и географией не только непосредственных соседей, но и более отдаленных стран. Западноевропейские космографии в русле традиций раннего нового времени предлагали четкую иерархию частей света и стран. Безусловно, в основе этой иерархии лежали религиозные библейские шаблоны, которые, впрочем, в XVII в. уже соседствовали с Великими географическими открытиями и новыми реалиями. Так традиционно в любой космографии XVII в. было деление на 4 части света: Европа, Азия, Африка и Америка. Однако Европе уделялось особое внимание: «Европа начало и власть всей вселенной»¹⁰. В русском варианте космографий при описании Европы появляются апелляции к древним авторитетам, которых нет ни у Меркатора, ни у Ортелиуса: «Плиний называет ее (Европу. – *А.Л.*) победитель всех иных стран, (она. – *А.Л.*) мужественна и храбра и красовита»¹¹. «Страбон мудрец приравнивает Европу к драку, сиречь к змии полозу, главу называет шпанскою землею, шею французскою

⁷ Особенно ярко это было выявлено С.М. Глускиной, доказавшей самобытность русской космографии 1637 г., переводчиком которой был Богдан Лыков [2].

⁸ НИОР РГБ. Собрание Н.С. Тихонравова. Ф. 299. № 445 (Азбуковник, конец XVII в.).

⁹ Самые яркие оригиналы находятся в НИОР РГБ в собраниях Е.Е. Егорова (Ф. 98. № 230), Д.В. Пискарева (Ф. 228. № 174), Н.Р. Румянцева (Ф. 256. № 368) и Н.С. Тихонравова (Ф. 299. № 1, № 249, № 283).

¹⁰ Космография Герарда Меркатора [рукопись]: Вводение в Космографию из Большого атласа Блеу, конец XVII – начало XVIII веков. НИОР РГБ. Собрание Е.Е. Егорова, Ф. 98. № 230. Л. 56 об.

¹¹ Там же. Л. 52 об.

землю, тулово цесерскою землею. Правое крыло <...> сиречь Дацкою землею. Левое крыло – Римское царство»¹². Географически Европу описывали с Запада на Восток, но русские авторы тем не менее подчеркивали свои важные для внешней политики характеристики европейских нравов: «шведские клеветники, ябедники, туринские грозны, сердиты, бельгийцы сиречь воинские, непостоятельные, италиане горделивы, високоумны, мсительны, шпанские завидливы, корыстники, французские боязливы»¹³. Среди такой нелюбезной картины явно выделялось отношение к Священной Римской империи германской нации. «А ныне римская храбрость в Германии сиречь в цесарской земли: от Рима перенесена власть и держава, сила и крепость, и одоление против всякого их врага, с ким ни воюют, ни от кого побеждения не было; там вера и правда, суд истенен, храбрость и мужество»¹⁴.

Подобное отношение к Империи в русских придворных кругах формировалось на протяжении долгого времени, однако с XVI в. наблюдается явная попытка идеологически обосновать родственную близость русского и императорского домов. Этой цели служил целый ряд сочинений о происхождении царствующего дома от императора Августа¹⁵ и на основе этого «реальное» родство с «братом» русского царя – императором. В XVII в. при воцарении Михаила эти идеи были весьма укоренены в сознании, и внешнеполитический курс ориентировался скорее на мнимое родство, чем на реальную оценку соотношения сил в Европе. В действительности, императоры Маттиас и Фердинанд II, в отличие от их предшественника Рудольфа II, заняли ярко выраженную пропольскую позицию, не признавали долгое время Михаила законным царем¹⁶. Не смотря на это, характеристики империи в космографиях на протяжении всего XVII в. были позитивными, хотя в западноевропейских оригиналах они гораздо более сдержанные. Даже в издании 1637 г. – в период не просто охлаждения, а прекращения любых контактов с Империей – русские книжники делали специальный отступ, использовали растительный орнамент красной крас-

¹² Там же. Л. 56.

¹³ Там же. Л. 58.

¹⁴ Там же. Л. 56 об.

¹⁵ А.В. Барандеев считает, что «выжимки» делались непосредственно из перевода 1637 г. Полным вариантом он называет 223 главы Космографии 1637 г., а краткие варианты содержали не более 69 глав [1, с. 105].

¹⁶ Безусловно, на первом месте здесь стоит «Сказание о князьях Владимирских».

кой, делали специальные рамки, переходя к описанию Империи¹⁷. В русском варианте подробно рассказывается о природе власти императора, подчеркивается, что «цесарь всему цесарству голова», а все немецкие земли называют «вотчиною цесаря»¹⁸. Правда не смотря на очень подробный рассказ – Империи во всех космографиях уделено наибольшее количество страниц по сравнению с другими странами – русские авторы чаще не понимали политические реалии организации империи. Тем не менее, именно обладание империей и библейские традиции восприятия ее на первом месте в иерархии государств делали эту страну самым желанным стратегическим партнером молодой династии. Посольства, направляемые как при воцарении Михаила, так и позже [Подробнее см.: 8; ср. 7], в годы нормализации и активизации отношений с империей при Алексее Михайловиче, должны были в качестве главной цели визита пропагандировать желание царя поддерживать в Европе «тишину и покой» [3, с. 1149; 5, с. 108].

Таким образом стремление к признанию прав Романовых на престоле в международном контексте и созданию безопасного пространства вокруг России способствовали повышению интереса к публикациям и переводам космографий. В огромном перечне стран и земель, перечисляемых в космографиях, особое место играла Священная Римская империя, которая, не смотря на совершенно не соответствовавший русским интересам внешнеполитический курс в первой четверти XVII в., представлялась важным и желанным партнером, единственно достойным русского царя, с помощью которого возможно было создать «тишину и покой».

1. *Барандеев А.В.* Русские космографии XVI–XVII вв. // Русская речь. М., 1991. № 1.
2. *Глускина С.М.* Космография 1637 г. как русская переработка «Атласа» Меркатора // Геогр. Сборник Геогр об-ва СССР. М.; Л. 1954.
3. Отчет Ивана Фомина о посольстве, писанный в 1617 г. // Памятники дипломатических сношений России и Римскою империей. Т. 2. 1594–1621 гг. СПб, 1852.
4. *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.
5. Статейный список посланников Баклановского и Михайлова (1654) // Памятники дипломатических сношений России и Римскою империей. Т. 3. СПб., 1853.
6. *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М.,

¹⁷ Космография Герарда Меркатора... НИОР РГБ. Собрание Е.Е Егорова, Ф. 98. № 230. Л. 375.

¹⁸ Там же. Л. 375 об.

- 2010.
7. *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
 8. *Leitsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhunderts, Bd. 1. 1604–1654. Wien, 1960.
 9. Russen und Russland aus deutscher Sicht 11.–17. Jahrhundert, West-östliche Spiegelungen, hg. von D. Hermann. (Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew, Reihe B, Bd. 1). München, 1988.
 10. Sicherheit in der Frühen Neuzeit. Norm – Praxis – Repräsentation, hg. von Ch. Kampmann und U. Niggemann. Köln, 2013.